

Едва рокот взрыва затих, как нефрит Зеленого Феникса в руке Нин Цзэ, не выдержав запредельной нагрузки, жалобно хрустнул и рассыпался мелкой пылью.

Нин Цзэ ощутил укол досады. Пусть этот артефакт и не был для него бесценным сокровищем, но сейчас, когда его арсенал пустовал, каждая потерянная вещь была на счету.

Лица нападавших потемнели: их козырь не сработал. Талисман Небесного Грома стоил семье огромных денег, и Цзы Жун решила пустить его в ход лишь в порыве слепой ярости. То, что Нин Цзэ сумел выстоять, привело обеих служанок в неопишное бешенство, смешанное с холодным липким страхом.

Цзы Лянь среагировала мгновенно. Гибкий меч в её руке змейей метнулся к горлу юноши.

В воздухе сверкнула тусклая вспышка, и в ладони Нин Цзэ возник длинный меч. Как и нефрит, это был артефакт низшего ранга, оставшийся от покойного Государственного наставника, но по качеству он в разы превосходил прежнюю побрякушку. Сейчас Нин Цзэ, чей уровень культивации был ещё слишком мал, мог использовать его лишь как обычное холодное оружие, что было верхом расточительства, но выбора не оставалось.

Звон стали, короткий и резкий.

Мягкий клинок Цзы Лянь переломился, как сухая ветка. Нин Цзэ едва заметным движением повернул кисть, и острие его меча замерло у самой шеи девушки.

Цзы Лянь покачнулась, лицо её мгновенно утратило все краски. Даже будь она слепой, она бы поняла — сила Нин Цзэ намного превосходит её собственную. Если верить ощущениям, этот «беспольный юнец» уже достиг четвёртого уровня Концентрации Духа!

В свой удар она вложила всю доступную духовную энергию, но в момент столкновения почувствовала, как её Ци была буквально раздавлена мощным, глубоким потоком, исходящим от меча Нин Цзэ.

Только сейчас до Цзы Лянь дошло: перед ней больше не тот робкий, забитый мальчишка, из которого можно было вить веревки. Неудивительно, что он посмел бросить вызов самой Госпоже!

Тем временем Цзы Жун, сообразив, что напарница проиграла, не стала ждать своей участи. Она рванулась в сторону госпожи Чэнь, надеясь захватить её в заложницы и тем самым прижать Нин Цзэ к ногтю. Чэнь-ши была простой женщиной, и служанка не сомневалась в успехе.

Нин Цзэ даже не обернулся. Легким движением руки он выпустил розовую шелковую ленту. Один конец остался в его пальцах, а другой под воздействием духовной силы ожил, словно

ядовитая гадюка. С тихим свистом лента обвилась вокруг талии Цзы Жун, намертво стянув её руки. Нин Цзэ резко дернул на себя, и служанка, не успев коснуться земли, с глухим стуком повалилась на пол.

Госпожа Чэнь стояла в стороне, затаив дыхание. Она не верила собственным глазам: когда её сын успел стать таким могущественным?

Ван-ши, привыкшая помыкать всеми вокруг, опираясь лишь на силу своих телохранительниц, теперь сидела белее мела. Язык у неё отнялся от ужаса. Если бы не тяжелое кресло, она бы давно сползла на пол бесформенной кучей.

Нин Цзэ пустил ленту дальше, связав и Цзы Лянь. Только после этого он убрал меч. Не удостоив мачеху даже взглядом, он поспешил к матери.

— Матушка, вы в порядке? — голос его мгновенно потеплел.

— Цзэ-эр... — Чэнь-ши наконец пришла в себя.

Она порывисто обняла сына, дрожащими руками касаясь его головы, плеч, лица, словно проверяя, не мираж ли это.

— Со мной всё хорошо, сынок. Ты сам не напуган? Как же ты сегодня... почему не предупредил, что вернешься? Как тебе жилось в поместье Государственного наставника? Ты так вырос, повзрослел... А день рождения твой мы ведь так и не отпраздновали дома, я так...

Нин Цзэ не отстранялся, позволяя матери ощупывать себя и слушать её сбивчивую, полную любви и тревоги речь. В его памяти Чэнь-ши всегда была слабой и робкой, но её доброта и безграничная любовь к единственному сыну были искренними. Нин Цзэ, выросший в прошлой жизни в простой крестьянской семье, видел в ней черты своих приемных родителей — таких же простых и честных людей. Это рождало в его душе давно забытое чувство домашнего тепла.

Наконец, выплакав первые слезы облегчения, Чэнь-ши отпустила его, нежно улыбаясь. Нин Цзэ ободряюще сжал её ладонь.

— Матушка, присядьте, отдохните. Я закончу здесь дела и мы спокойно поговорим.

— Но, Цзэ-эр, может, не стоит... — Чэнь-ши с тревогой посмотрела на связанных служанок.

Она видела схватку, но мало что в ней поняла. Одно было ясно: сын стал другим. В нем не осталось и следа былой забитости. Он говорил твердо, а в глазах светился острый ум. И всё же её пугало влияние семьи Ван. Даже Нин Цзинхун вынужден был считаться с ними. Что будет, когда мачеха решит отомстить за побои и унижение?

Нин Цзэ сделал шаг к Ван-ши. Его взгляд стал ледяным.

— Госпожа, раньше вы могли безнаказанно издеваться над моей матерью. Но теперь этому пришел конец.

Мачеха вцепилась в край стола. Лицо её было мертвенно-бледным, но она всё ещё пыталась сохранить достоинство.

— Что ты себе позволяешь! Если бы не моя милость, если бы я не уговорила мужа отправить тебя к Государственному наставнику обучаться бессмертию, разве достиг бы ты таких высот?

У Ван-ши не было таланта к культивации, но её семья была тесно связана с Павильоном Линхай. Будучи дочерью из главной ветви рода Ван, она получила в свое распоряжение двух охранниц на стадии Концентрации Духа. Сама она в магии не смыслила, но глаз у неё был наметан. Сейчас она понимала: спорить с Нин Цзэ бесполезно. Этот мальчишка мог оборвать её жизнь в мгновение ока, и никакие связи не успели бы её спасти.

Нин Цзэ остановился. Ван-ши облегченно выдохнула.

— Не горячись, мы ведь, в конце концов, одна семья... — пролепетала она, пытаясь сменить гнев на милость. — Худой мир лучше доброй ссоры. Чего ты хочешь? Скажи, я всё исполню...

Нин Цзэ лишь горько усмехнулся.

— Благодарить вас за то, что отправили меня на верную смерть? Государственный наставник был не учителем, а безумным чернокнижником, который использовал детей как «котлы» для своих ритуалов. Вы ведь знали об этом, не так ли? Именно поэтому вы так настойчиво убеждали отца избавиться от меня. А теперь смеете заикаться о долге и милости... У вас совесть совсем атрофировалась, госпожа?

От этих слов у Ван-ши похолодело внутри. Нин Цзэ всё знал. Если так, то пощады ждать не стоит.

Нин Цзэ говорил это не ради мачехи. Его слова предназначались Чэнь-ши. Мать была слишком мягкой, и если она не изменится, её продолжат топтать. Сын хотел лишь одного: чтобы в её душе наконец проснулся гнев.

«Чернокнижник? Верная смерть?»

Мир в глазах Чэнь-ши перевернулся. Она думала, что сына отправили постигать великие истины, а оказалось — его отдали на заклание, как скот, чтобы выкачать все жизненные силы. Она читала в старинных свитках о подобных ужасах: те, кого превращают в «котлы», сгорают заживо, превращаясь в иссохшие мумии.

Все эти годы она надеялась, что Нин Цзинхун помнит об их былой любви. Она терпела унижения, веря, что в глубине души он остается отцом для её мальчика. Какая глупость! Какое ослепление! Он хладнокровно обрек собственного ребенка на мучительную смерть.

Её единственный сын! Плод её жизни!

Тридцать пять лет Чэнь-ши жила словно в тумане, безропотно снося обиды. Но сейчас этот туман рассеялся, сметенный ослепительной вспышкой ярости. Весь её мир сжался до двух имен: Ван-ши и Нин Цзинхун.

«Вы... нелюди!»

Вся вековая покорность, вся кротость добропорядочной женщины испарились без следа. Чэнь-ши рванулась вперед и со всей силы, вложив в удар всю свою боль и ненависть, влепила Ван-ши оглушительную пощечину!

Та застыла, не в силах осознать произошедшее. Но в следующий миг в ней вскипела привычная злоба. Она вскочила, забыв о страхе перед Нин Цзэ.

— Да как ты смеешь, ничтожная...

Договорить она не успела. Чэнь-ши, ведомая накопленной за десятилетия обидой, наотмашь ударила её второй раз. Жажда мести жгла ей сердце, и двух пощечин было мало. Она схватила со стола чашу с горячим чаем и выплеснула всё содержимое прямо в лицо мачехе.

— Госпожа! — вскрикнули Цзы Жун и Цзы Лянь.

Они отчаянно забились в путах, но розовая лента была магическим артефактом — чем сильнее они дергались, тем глубже шелк впивался в их тела, перехватывая дыхание.

Нин Цзэ, видя, что мать более не нуждается в защите, переключил внимание на служанок. Эти двое годами помогали Ван-ши творить бесчинства.

Он подошел к Цзы Жун.

— Кто ваши покровители? Вы из клана культиваторов или за вами стоит какая-то секта?

Цзы Жун плотно сжала губы, глядя на него с плохо скрываемым ужасом. Она бы и рада была заговорить, но без приказа хозяйки не смела раскрыть рот. Она не знала, чему именно Нин Цзэ научился в поместье Государственного наставника и какая сила стоит за его плечами. Три мощных артефакта в руках одного юноши заставляли её подозревать, что у него есть очень влиятельный покровитель.

Её собственная школа была не из последних, но если она окажется слабее тех, кто стоит за Нин Цзэ, признание обернется гибелью для всего её ордена.

Нин Цзэ уловил её колебания. В его голосе зазвучала сталь.

— Если будешь молчать, мне придется лишить вас обеих культивации. Навсегда. Чтобы впредь не повадно было кусать руку, которая вас не боится.

Цзы Жун замерла, а Цзы Лянь при этих словах окончательно лишилась чувств.

<http://bllate.org/book/17490/1712250>